

ИЗ ЭМПИРЕЕВ

15

15 февраля исполнилось 90 лет со дня рождения великолепной и неповторимой Ляли Черной, одной из легенд русского и цыганского искусства. 20 февраля в театре "Ромэн" прошел вечер памяти актрисы. Был сыгран спектакль "Грушенька" — новая редакция пьесы И.Штока по повести Лескова, возобновленная Николаем Сличенко год назад. Некогда в "Грушеньке" блистала Ляля Черная, и по сей день горячие поклонники того спектакля восхищенно вспоминают, как актриса проходила в пляске, приговаривая "шутишь-любишь, шутишь-любишь..."

А потом, прямо в зрительном зале, как-то очень естественно и тепло, полились воспоминания. Неофициально и неторжественно открыл эту часть вечера Николай Сличенко — ощущение было такое, словно собрались мы все в теплом домашнем кругу. Потому что, как точно заметил Николай Алексеевич, что же мы — без памяти об ушедших, о прекрасных людях, коснувшихся наших душ.

Так возникла атмосфера этого вечера — непарадного и несуетного, когда в воспоминаниях заведующей литературной частью театра "Ромэн" Галины Савченко и мхатовцев Юрия Ларионова, Владлена Давыдова, балетмейстера Иосифа Слуцкера, танцовщицы Анны Редель, Виталия Вульфа, любимой всеми Веры Васильевой, звезды сегодняшнего "Ромэна" Ирэны Морозовой — вновь оживала в своих уникальных человеческих чертах и в блеске своего таланта Ляля Черная, Надежда

Сергеевна Хмелева.

О ней говорили, как об актрисе поразительной естественности и поражающей красоты. Как о человеке открытым, бесконечно добром, обладавшем даром приносить радость. Вряд ли сама Ляля Черная думала о чем-то возвышенном, когда, по рассказу Ирэны Морозовой, собирала после репетиции молоденьких артистов и вела их обедать в ресторан. Она хотела просто подкормить их, но за обедом что-то рассказывала, что-то слушала, что-то советовала — дарила себя.

А та кофточка, которую бережно хранит вот уже сорок лет Вера Кузьминична Васильева! Это ведь не просто подарок признанной звезды молодой актрисе, только что сыгравшей в фильме "Свадьба с приданным" (сидя в одной гримерной с Лялей Черной перед концертом, Вера Васильева похвалила так понравившуюся ей блестящую кофту), это — желание отдать, принести другому человеку радость. Как же мы далеки сегодня от подобной простоты общения. Необходимой простоты.

"Ее нельзя определить, — сказал старейший балетмейстер Иосиф Ильич Слуцкер, сам позвонивший в театр, узнав, что готовится такой вечер. — Ляля Черная — явление неизученное, способное в нас что-то всколыхнуть, разбудить. Она была королевой".

Да, наверное, именно так выглядят настоящие королевы из детских наших сказок — небольшая выставка в фойе театра, посвященная 90-летию Ляли Черной, состоит из фотографий, запечатлевших актрису в ролях и в жизни:

Ляля Черная, по воспоминаниям тех, кто знал ее в жизни, кто видел ее на сцене и на экране, ярче всех сумела воплотить национальные черты в преломлении опыта русского искусства. Это — целая тема, важная и большая. О ней говорил Владлен Давыдов. О том взаимовлиянии цыганской и русской культуры, что отзывается в душах человеческих, раскрывая в них что-то истинное, подлинное.

И еще об одном напомнил собравшимся Владлен Семенович.

В 30-е годы существовал в Москве некий треугольник, неуловимо, но явно определенно определяющий аромат той эпохи: "Ромэн", МХАТ и футбольная команда "Спартак". Их связь была не только семейной (Н.П.Хмелев был мужем Ляли Черной и болельщиком "Спартак", а знаменитый футболист Андрей Старостин был мужем актрисы "Ромэн" Ольги Николаевны Кононовой, до сегодняшнего дня играющей в театре), не только "болельщицкой" — она была глубже. Это был климат, определявший что-то в жизни общества. В той самой жизни, которую мы сегодня склонны порой видеть только в темных тонах.

Вечер в театре "Ромэн" начался пленительным вальсом, посвященном гитаристом Александром Колпаковым памяти Ляли Черной. Музыки больше не было, но казалось, она звучала все время. Может быть, потому, что на сцене стоял большой портрет Ляли Черной, Надежды Сергеевны Хмелевой. Вряд ли еще когда-нибудь в этой жизни увидишь такие глаза.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

Королева

изумительной красоты лицо, взгляд, в котором можно прочесть, словно в книге, страсть, скорбь, жизнелюбие и жизнестойкость народа, на протяжении многих веков лишенного дома, кочевавшего по миру и впитывавшего горький и счастливый опыт этого пестрого мира.

Экран и сцена -